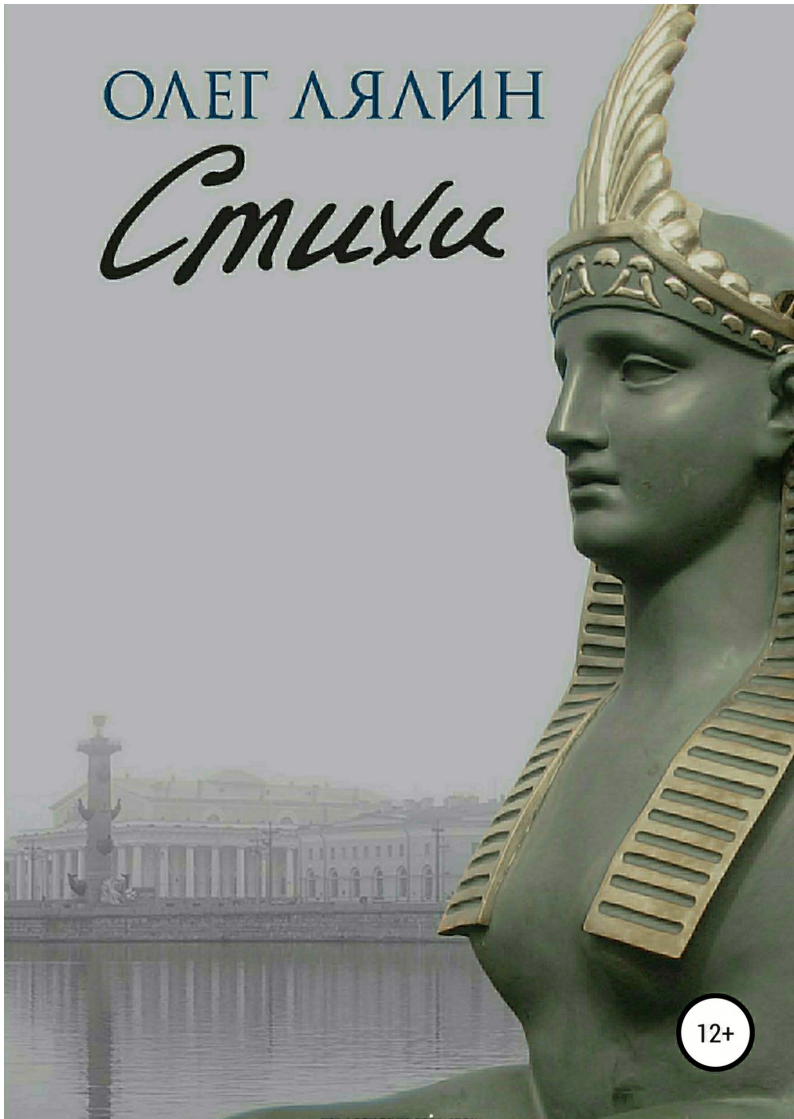

ОЛЕГ ЛЯЛИН

Стихи

12+

Олег Павлович Лялин

СТИХИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35010742

SelfPub; 2018

Аннотация

Книгу составили стихи Олега Лялина (1937–2010) – петербургского поэта, творчество которого неразрывно связано с городом, его судьбой и историей – но и судьбой и историей страны, биографией и духовными поисками автора. Эти стихи передают сложный ритм второй половины XX века, культуру и язык столь недавней и в то же время навсегда ушедшей в прошлое эпохи.

Содержание

Предисловие	4
Иоанновский мост	8
Остров Валаам	12
Сад на площади Искусств	13
В Соловьевском саду*	18
Весна	29
Песня	30
Владимиру Балыбердину*	32
На смерть Л. И. Брежнева	36
Тополя	43
Осень на Валааме	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Предисловие

В жизни и творчестве петербургских поэтов город играет совершенно особую роль. Для Олега Лялина Петербург–Ленинград был живым существом, собеседником, источником энергии и вдохновения. Порой он ощущал город как камерное, интимное пространство, порой – как проекцию России или модель мироздания. В его городе-палимпсесте спрессованы разные культурно-исторические пласты, а поэтическая память, нарушая привычную хронологию, в одном и том же месте может спонтанно разыграть сцены из петровского или пушкинского времени – и блокады Ленинграда.

Олег Павлович Лялин (1937–2010) родился в клинике им. Д. О. Отга, рядом со Стрелкой Васильевского острова – позже Стрелка станет главной мифической точкой в его личной городской топографии. Дом, где жили его родители, где он провел несколько первых лет жизни и куда вернулся в юности, находится на углу Среднего проспекта и бывшей Съездовской, а ныне Кадетской линии. Беззаботное детство длилось недолго: вскоре началась война, блокада, голод. В раннем возрасте Олег потерял обоих родителей (отец с фронта не вернулся, мать погибла, когда ему было семь лет). Ощущение сиротства и бездомности, мерцающий в глубинах памяти образ матери, опыт скитаний по «ленинградским трущобам» позднее найдут отражение в его стихах. В детском

доме, куда его поместили после войны, мальчику посчастливилось встретить чутких педагогов, о которых он навсегда сохранил добрые воспоминания. В школьные годы он начал заниматься спортом, отдавая особое предпочтение боксу как благородному способу постоять за себя и защитить слабых. Именно в детском доме он усвоил жесткие принципы, которым не изменял никогда, часто в ущерб собственным интересам: прямота, нередко граничащая с резкостью, щедрость, презрение к любым, подлинным или мнимым, компромиссам с совестью, абсолютное пренебрежение бытовой стороной жизни и культ дружбы. Он многих очаровывал, увлекал, вдохновлял, другим казался наивным идеалистом.

Олег Лялин окончил 141-ю среднюю школу, а летом 1956 г. был призван в армию. Первые четыре месяца службы он провел в Казахстане – в его дневнике сохранились откровенные записи о беспорядочности и бессмысленности легендарной кампании по освоению целинных земель. Спасением оказался перевод в авиацию, в Эстонию. Вернувшись после армии в родной город, он поступил в Горный институт. Многие годы Лялин проработал во ВНИМИ (Всесоюзном научно-исследовательском маркшейдерском институте) на Васильевском острове, где конструировал приборы для испытания горных пород. Но – параллельно с профессиональным интересом к земным недрам в нем постоянно пульсировало желание проникнуть в иные, нематериальные сферы бытия, разгадать законы Вселенной и свое предназначение. В

1970-х гг. он начинает заниматься йогой, увлекается восточной философией, экспериментирует с традиционной медициной. В 1990 г. духовные поиски приводят его к Сахаджа-йоге, и он становится активным последователем основательницы этого направления, Шри Матаджи Нирмала Деви.

Он никогда не выходил из дома без тетрадки и ручки. Спонтанно возникавшие в его сознании стихотворные строки он часто записывал на бегу, в метро или во время долгих прогулок по городу, в путешествиях по Кавказу или по Волге, почти всегда указывая место и точное, вплоть до секунд, время их создания.

Стихи Олега Лялина – это диалог с миром, попытка понять себя, обратить в слова те вибрации и информационные потоки, которые ощущаются на уровне интуиции. И, несомненно, творчество давало ему ощущение свободы и преодоления физических, идеологических, бытовых, географических и иных пределов. Его поэзия свидетельствует о том, что и в тоталитарном пространстве мертвых слов, готовых формул и ложных смыслов человек всегда имеет возможность отринуть предлагаемые правила игры и остаться верным своему личному мироощущению, эмоциям, языку. Среди его постоянных мотивов были Петербург; война, блокада, Победа; космос и всепроникающая субстанция духа; русская культура; поэзия; мудрость природы, оттеняющая человеческое безумие; личная судьба и круговорот российской истории. Ряд стихов был написан к встречам с однокласс-

никами-детдомовцами (это своего рода печальная советская вариация лицейских годовщин Пушкина). Лялин постоянно читал стихи, биографии любимых поэтов (среди которых особое место занимал Сергей Есенин), работы по филологии, сам экспериментировал с различными стихотворными формами и жанрами (сонет, венок сонетов, поэма, хайку), интересовался стихотворным переводом.

Через собранные в этой книге тексты проступает сложный узор человеческой жизни – уникальной и в то же время неразрывно связанной со своим временем, его ритмом, культурой и эстетикой.

Мария Рубинс

Я не считал свои года,
Как не считает лето травы.
Сплелись морщины в невода
С уловом боли и забавы.
Да по ночам по сердцу бьет
Табун моих воспоминаний...
Душа лишь знает перелет
К планетам будущих свиданий.

1972

Иоанновский мост

Иоанновский мост – старина золотая:
Все изящно, красиво и тонко.
И недаром орлы на столбах, не слетая,
Восхваляют художников звонко.
У решеток рисунок прозрачен и прост.
Перед ними застыли горгоны.
И лавровый венок из металла пророс,
Змеи слушают мирные звоны.
И разящие стрелы лететь не хотят.
Копья тихо стоят в карауле.
И щиты и мечи тишину эту чтят,
Утомившись в воинственном гуле.
А когда надвигается черная ночь,
Уж готовая скрыть красоту,
Фонари ей кричат: прочь, бездушная, прочь!
Ты не будешь плясать на мосту.

1969

Фото: Ноах Рубинс

Я помню утро: на обоях солнце,
Тишь летняя. И тополиный пух
Влетает в растворенное оконце,
В моих ладонях греется, как дух.

А комната – чиста и белоснежна.
Все в кружевах: комодик, стол, кровать.
И, отдыхая после ванны, нежно
Вздыхала, вспоминая что-то, мать.

Укрывшись простынею, на крутую
Постель облокотилась она
И, теребя волос копну густую,
Запела, словно берегу волна.

Я, как от солнца яркого в июле,
Был ослеплен земною красотой
И, растворяясь, словно в дивном гуле,
Испуганно парил над высотой...

Знать, оттого не раз прощал измены
Я женщинам и просто и легко,

Что образ тот лебедушкой из пены
Передо мной взмывает высоко...

1970-е гг.

Остров Валаам

Здесь Петр Великий царственным перстом
Вновь возродил угасшую обитель.
И каждый шаг свой застолбил крестом
Игумен Дамаскин – суровый житель.

И белый скит, как символ чистоты,
Пророс из скал земли обетованной,
Чтоб мы познали чудо красоты,
Любили жизнь без шелухи парадной.

Здесь ты не встретишь золотых хором.
Здесь тишина в душе поет органом.
Ее нарушить смеют только гром
Или ветра, ворвавшись ураганом.

Здесь мудрость изливается с небес.
Покой нисходит к травам и озерам.
Здесь можно, проходя сквозь мыслей лес,
Увидеть Душу просветленным взором.

1971

Сад на площади Искусств

Овальный зал с паркетами дорожек,
С развесистыми кронами каштанов,
С изгибом талий, хороводом ножек,
И женских губ – с окраскою тюльпанов.

У пьедестала Пушкина – букеты.
Поэт благодарит своих поклонниц,
Их спутникам любезно шлет приветы
И молча терпит суесловье сводниц.

У ног его народ сидит и дремлет.
В музей проходит или ждет свиданья.
По вечерам театру чутко внемлет
Иль наблюдает ласточек порханье...

В ночной тиши, когда толпа растает
И фонари померкнут, дышит сад
И Пушкина живого вспоминает...
И нынешней поэзии не рад.

1980

Фото: Артур Махлаюк

Пусть завтра умереть. Сегодня – жить!
Касаться ветра влажными губами,
И солнце, и любовь без меры пить,
Брести по травам за стадами.

Пусть завтра умереть. Сегодня – быть!
И плакать, ревновать и ошибаться,
И сквозь торосы неудач проплыть,
И никогда беде не поддаваться.

А если вдруг тебя обложит смерть,
И не найдется выхода из плена,
Ты не забудь, что истина нетленна:
Сегодня – жить! Хоть завтра умереть.

1973

Пишу стихи не ради славы
И не для звяканья монет.
Они во мне кипят, как лава,
Сквозь кратер сердца рвутся в свет.

Не спеленаешь их рассудком
И окриком не оборвешь.
Им не играется побудка,
Их лестью спать не зазовешь.

Они порой молчат упрямо,
Скрываясь в тайнике души,
То вдруг рванутся к солнцу прямо —
Тогда сомнением не греши.

1973

На призрачной орбите ночи
Луна повисла перстеньком.

1973

Будто сорванный лист на ветру
Колышется нежная бабочка.

1973

Залива лед, как мокрый сахар,
И цвет, и прочность потерял,
И ветер западный, как пахарь,
На целине его застрял.

1973

Весною без причин особых
В ладони просится Земля.
И мысли ищут песен новых,
Давая рифмам шенкеля.

1973

В Соловьевском саду*

Притихли аллеи. Фонтаны давно заржавели.
В чугунных решетках проломы, как шрамы, черны.
Здесь клекот орла и военные трубы отпели,
Но чувства, как в юности, этому саду верны.

Сюда прихожу, не случайно, в скучающей лени,
А трепетно, тихо, с печалью прозрачной иду,
Чтоб снова увидеть и детства крутые ступени,
И юности шрамы, и верного сердца звезду.

1985

** Соловьевский сад – неофициальное название Румянцевского сада, расположенного на Васильевском острове, у Университетской набережной.*

Фото: Артур Махлаюк

Не оставляйте нас, фронтовики.
Земля по вам еще не стосковалась,
Еще вас помнят звонкие клинки
И на прикладах ваша соль осталась.

Мир с вами и надежней и добрей.
Жестокий век становится моложе.
Мальчишки из объятий матерей
Уходят в мир возвышенной и строже.

Но вы все чаще сходите с орбит,
В земле усталой ищите покоя.
А жизнь неутомимая трубит:
«Фронтовики, не выходить из строя!»

1973

Мы в городах оторваны давно
От рук земли, от запахов тумана.
И трав настой в дешевое вино
Преображаем с ловкостью шамана.

А в пятьдесят, утратив гордый пыл,
На все брюзжим и безнадежно вянем...
А время мчится табуном кобыл...
Мы от него безжалостно отстанем.

1973

Вы далеки от звонкого стиха,
Как меч бумажный от жестянки ржавой.
И в каждой строчке ищите греха,
Как будто я крестился Окуджавой.
То Северянин мельтешит во мне,
То вдруг Есенин запекает пьяно...
Мои стихи родились не во сне,
Скорее в зарослях бурьяна
Да в сосняке, на берегу реки,
Где солнцу кланяются рыбаки.

1973

Остались мне от войны, от блокады
Жизнь – за троих, за троих – смех.
Лишь Пискарёвка в кольце ограды
Вечным плачем одна на всех.

1973

А детство, даже блокадное,
Всегда совершенства искало.
И сердце, до сказок жадное,
Пушкина томик листало.

1973

На Васильевском острове, в старой квартире,
В затемненной комнате, без мамы и слез,
Жил, подобно мишени в тире,
Трехлетний мальчик, не знавший грез.

На стене отсыревшей черной тарелкой
Дрожало радио воем сирен.
Каким-то чудом жила этажерка,
На ножки задние сделав крен.

Хранила она разноликие книжки
И вазы ажурные из стекла.
И книжки часто дарили мальчишке
Сказки, где жизнь красиво текла.

А вазы, когда зажигались свечи
Или буржуйка пела в углу,
Вдруг начинали тихие речи,
Мерцающая радугой на полу.

Мальчик, наверно, привык к обстрелам
И с голодовкою свыкся тоже.
Он до войны рос смешным пострелом
И был для мамы всего дороже.

А теперь, на Васильевском, в старой квартире,
После холода и войны
Маленький сказочник в темном мире
Слушает музыку тишины.

1973

Куда несет меня течение?
В каком водовороте сгину?
И жизни жуткое мученье
Когда навеки с сердца скину?

Устал я. И других измучил.
Вокруг лишь жалобы да стоны.

Судьба, как в ребусе излучин,
Какие мне хранит затоны?

Все просто кажется порою,
И вдруг – тупик, и нету хода.
И кажется: себя зарюю
В бурлящей пене парохода.

Барахтаюсь, глотаю воду.
Тону, нет сил сопротивляться.
Но случай вдруг относит к броду,
Чтоб вновь мне жизни удивляться.

1977

Мне солнце улыбается в лазури,
Живительную прану льет в меня.
И даже рев неумолимой бури
Доходит ржаньем дикого коня.
И ни испуга в сердце, ни томленья.
Смеется жизнь вокруг и ворожит.
И легкая вуаль воображенья
Над каждым чувством трепетно дрожит.

1973

Весна и женщины преображают мир.
Струят тепло нам в грубые ладони,
Чтоб страсти, словно бешеные кони,
Не унесли нас на кровавый пир.

Нас награждают женщины любовью
Не для того, чтоб враждовали мы,
Вгоняли солнце в катакомбы тьмы
И орошали землю пряной кровью.

Весна нам стелет под ноги цветы,
Чтоб женщину мы ими украшали,
Чтобы добро со злобой не мешали,
Над юностью не ставили кресты.

Весна и женщины любовью рождены
И для любви. Нам это помнить надо,
Чтобы войны постылой канонада
Не расколола мирной тишины.

1972

Не тревожьте меня. Я устал.

Силы выжаты будто сок.
И души голубой кристалл
Рассыпается в мелкий песок.

Мне сегодня – тысячи лет.
В сердце – жуть от вселенских мук.
Я сегодня – как желтый скелет,
Как волшебник – без глаз и рук.

Я прошу: не тревожьте меня.
Дайте сердцу побыть в тепле.
Я еще поменяю коня,
Снова буду сидеть в седле.

1969

Не говори. Ответ мне ясен —
Ты болен, занят иль устал...
Я вновь один, как старый яшень,
Что при дороге пыльной встал.
Я, как и он, под осень таю
От бесконечных, злых дождей,
И мшистой грустью обрастаю
При виде клина журавлей.
Мне жутко будет от метели,

От зимней тягостной ночи...
Ну что ж, коль чувства облетели,
Так не заманят – калачи.

1969

Годами боль во мне качается,
Как люлька в тягостной ночи.
Ни на минуту не кончается,
Хоть ей анафему кричи.

То одиночеством затянет,
То горькой думою запьет.
И жизнь так безнадежно вянет
И безразличьем сердце бьет.

И мысли черные тягучи
И тайно тянутся к петле.
Судьба, как грозовая туча,
Все ниже клонится к земле.

Но знаю я: тот миг настанет,
И траур жизнь перехлестнет.
И все на место сразу встанет,
И боль колени подогнет...

1969

Весна

Как все же радует весна...
Сквозь стужу, прячась за метелью,
Она вначале, как струна,
Звенит веселою капелью.

А чуть апрель качнет крылами —
Снега осядут, треснет лед,
И черно-белыми следами
Весна на землю опадет.

Земля, счастливая, отгадет.
Забудет завыванья вьюг.
И стаи птичьи бросят юг,
И север родиной им станет.

С певучим треском лопнут почки.
Листва проклюнется... и вдруг
По небу огненные строчки
Гроза разбрызгает вокруг.

(1980?)

Песня

Одуванчика тонкая ножка
И серебряный шар головы...
Потерпи, буйный ветер, немножко,
Дай цветку постоять у Невы.

Он реке подарил свое солнце,
Превратился в серебряный звон.
Потерпи, буйный ветер... В оконце
Парашютики выбросит он.

Одуванчика тонкая ножка
И серебряный шар головы...
Потерпи, буйный ветер, немножко,
Дай цветку постоять у Невы.

1978–80

Душа озарена! Рокочет гром.
Лечу! Куда? – Не ведаю покуда.
Иль то иных миров ракетодром,
И ждет меня неведомое чудо?

Глаза прикрою – видится звезда.
Сквозь голубой туннель – ее сиянье...
Так в детстве уносили поезда
Мечту мою на вечное свиданье.

Раскрепощаюсь. Выплываю в свет.
В блаженстве растворяюсь... И невольно,
Душа, забыв скрижали давних бед,
Парит над Вечностью привольно!

1980

Владимиру Балыбердину*

Вершин не покоряют. К ним – восходят.
Там, на вершинах, душу познают.
И на подходах к ним – себя находят
Иль в слабости и трусости снуют.

Лавинам салютуют не для славы.
Их канонады бросят сильных в дрожь.
У гор свои законы, мир и нравы.
Там не в цене ни слезы и ни грош.

Там мужество – вот золотые слитки.
Там техника и стойкость – вот заслон.
Там камнепады бьют, словно зенитки,
В тебя в упор со всех пяти сторон.

И если не сорвешься с вертикали,
Расщелины и ледники пройдешь,
Твоя душа познает свет и дали.
Ты бесконечность сердцем обретешь.

1982

** Владимир Балыбердин (1948–1994) – первый советский альпинист, взойшедший на Эверест 4 мая 1982 года.*

Все уже круг испытанных войной.
Все выше слава ратников Победы.
Немеркнущая память над страной
Хранит в себе и горечи и беды.

Год 45-ый... Майская теплынь...
И слезы счастья на лице солдата...
И радости прогоркшая полынь...
И, словно кровь, запекшаяся дата.

9 мая 1983

Опять в неведомые страны,
Душа, лети!
Пусть ждут тебя и боль, и раны,
Не отступи.

Не остудись, душа хмельная! —
Вперед и ввысь!
У времени рука стальная,
Не отступись.

Поэты знают: трудна дорога

Вперед и ввысь.

Поэты помнят: талант от Бога!

Не отступись!

1984

Мне снятся кони по ночам

Под шорох шин и лязг трамвайный.

И по асфальтовым плечам —

Копытный звон, как звон хрустальный.

И снится вместо черных труб,

Кадящих гарью и дымами,

Весельем пенящийся сруб,

Пропахший лесом и хлебами.

В нем вздохи желтых половиц,

Как женщин легкое раздумье.

И тень от елочных ресниц

На стенах, как вуаль колдуньи...

Как души мало объяснимы,

Так и костры в вечерней мгле.

И струи пламени, как нивы,

Качают песни на Земле.

Я эти песни сердцем слышу

В безмолвном трепете огня.
Парит душа все выше, выше
Над пеплом прожитого дня...
Я погружаюсь в размышленья,
Как солнце вечером в зарю!
И нежный аромат волненья
Стихам невольно подарю...

На смерть Л. И. Брежнева

Ушел тяжелобровый говорун.
Опричнина повластвует теперь.
Россия знала мало звонких струн,
Куда привычнее ей стон потерь.

Душа болит в предчувствии беды.
У КГБ – история черна.
Меч обнажен. Кровавые следы
Дай Бог, чтоб не увидела страна.

Не повторись, истории спираль...
Народ опять насторожил свой слух.
Проложена стальная магистраль.
Куда и кем? Ответит время вслух!

22 ноября 1982

Терзать себя и ревностью, и гневом
Достойно ли твоих и дум, и лет!
Дарила женщина свою любовь с напевом,
И в нем звучал прощания сонет.
Истаял звук. И молодое тело

Уже другому дарует напев.
К чему же так угрюмо и так смело
Ты осуждаешь легкокрылость дев?
Поэту ли изменою терзаться!
Ушла – одна, другая – ждет тебя.
Любовь всегда любовью будет зваться,
Пока в ней страсть как всполохи огня.

1987

Я как в тюрьме: тоска и боль разлуки,
Лишь изредка мелькнет твое лицо.
Коснутся лба изнеженные руки,
И снова – одиночества кольцо.
Я задыхаюсь от раздумий часто,
От ревности сгораю по ночам,
А ты наивно легкое участие
Ко мне несешь, как уголья к свечам.
К чему уют в ознобе ожиданья?
К чему слова, когда ответа нет?
Мне радости короткого свиданья
Все чаще дарят горечи сонет.

1987–88

Ты помнишь ночь, и бухту сонную,
И лунный блеск в морской волне,
Сухумский рейд, дорогу звездную,
Настойку грусти на вине?

Тогда ты стала мне завещана,
Как богом врезанная грусть.
И пусть навеки боль обещана,
Я от тебя не отрекусь.

Не знаю: ждет меня удача ли,
Иль топкий берег неудач?
Меня не раз в разлуке сватали
С тоскою, под надрывный плач...

И все-таки иду без трепета
На перекресток наших встреч,
Чтоб страсть твою и влагу лепета
В ладонях и душе беречь.

Каждый вечер, лишь только сумерки
Прокрадутся к тебе на крышу,
Я с тоскою иду переулками
И надежду любви колышу.

Мне навстречу плывут прохожие,
Смех стучит рикошетом в окна.
И мне кажутся все хорошими,
И весь мир из улыбок соткан.

Ты мне чудишься как сияние
И в меня ароматом входишь...
Ах, девчонка, мое отчаянье,
Ты с ума меня, видно, сводишь...

Каждый вечер, лишь только сумерки
Растворят силуэты зданий,
Я иду к тебе переулками,
Чтоб крутить карусель свиданий.

Листья бьются, как птицы,
С лёту в рампу окна.
И пронзают их спицы
Нудно-злого дождя.
Ветер буйствует пьяно,
Рвет с деревьев наряд.
На рябине лишь рьяно
Гроздья ягод горят.
Среди мрака и стужи

Пламенеют они,
Чтоб деревья, как лужи,
Застыть не могли...
Все же скоро морозы
Сдуют пламя с рябин,
И от зимней угрозы
Черным станет рубин.
А земли километры
Снега занесут.
И свирепые ветры
Начнут самосуд.

Нева осенними ночами,
Как нефть, тягуча и черна.
И трется о гранит плечами
До дна продрогшая волна.

Мосты как горбуны застыли
И молятся воде в ночи.
И желтый блеск фонарной пыли —
Как блеск засаленной парчи.

Вдоль отсыревших парапетов
Столбы угрюмые стоят.
А в шашках каменных паркетов

Плафоны льдинками скользят.

1969

Ночь расколота костылями —
Инвалид беспризорный пьян.
Он давно не гулял полями,
Ему ближе сухой бурьян.
Его дом – подворотни и лестницы.
Его жизнь – тугая петля.
Ночь всегда ему – крик предвестницы,
Что тоскует о нем земля.
Его силы давно на пределе.
Гарь помоек – его тепло.
На сухом и скрюченном теле —
Горе ужасом проросло.
На безликом лице щетина.
Хриплый голос – как крик грача.
Днем он держит беду, как плотина,
Пьяно тело свое волоча.
Только ночью, когда устало
Стихнет город, как жизнь сама,
Инвалид костыли, как кресало,
Бьет о трубы его и дома.
Колет ночь, безразличье и горе,

Раздвигает души тиски,
Чтобы днем захлебнуться в море
Безысходности и тоски.

1969

Я сгорал от вина и простуды,
От любви же давно не сгорал.
Чувств веселых звенящие трубы
Я в походы с собой не брал.
И боролся с внезапным порывом,
Сердце сдерживал, как орла.
Мне все чудилось: над обрывом
Все те годы душа плыла.
А теперь – ни вина, ни простуды.
Полыхает Любовь во мне.
И поют мои чувства, как трубы,
О веселом и Вечном Огне!

1976

Тополя

Искромсаны. Без головы и рук
Вновь тополя стоят по Ленинграду.
Как будто враг свирепствует вокруг
И город хочет взять в блокаду.

И чудится мне: артобстрел и смерть.
Пожарищами память полыхает.
И жутко мне на тополя смотреть,
От их уродства сердце высыхает.

От этой жути не уснуть в ночи —
Все чудится измена где-то рядом.
И даже прилетевшие грачи
В отчаянье кричат над Ленинградом.

А по утрам, идя вдоль тополей,
Я будто прохожу по полю брани.
Мир за ночь стал бездушнее и злей,
Но как и прежде молится герани.

Я не кричу и не кусаю губ.
Лишь молчаливей становлюсь и суше.
И часто без причин бываю груб,

Да сердце бьется медленней и глуше.

Осень на Валааме

Клен рыжий, как экскурсовод,
Мне улыбается листвою,
И будто пьяной головою
Качает желтой кроны свод.

Он что-то тоненькой рябине
Лукаво шепчет и поет.
А та любовь спокойно льет,
Свое смущенье скрыв в рубине.

А там седеющие горы
У ног осин поклоны бьют,
И сосны песни в небо льют,
И ветры лают, будто своры.

Березки стройные грустят,
Припоминают праздник мая.
И, в тучах клином утопая,
Уж гуси с севера летят.

Лишь ели сфинксами застыли,
Зеленым пламенем горят.
И никому не говорят,

Что пьяными от лета были.

Природа сентябрем грустит
И песни птиц припоминает,
И холодком листву снимает,
И грибникам грибами льстит.

Брусника высыпала рьяно
Из стынувшей земли в ночи.
Но заморозки, как ключи,
Чуть северней звенят упрямо.

И осень поздняя бредет
С дождями мелкими и злыми.
Мы ж днями проживем былыми,
Пока листва не опадет.

1971

Ах, вы, чудачки, яхты белые,
Невинностью опять блистаете
И, словно девушки несмелые,
От шепота морского таете.

И все вам кажется таинственно,

Красиво, ласково и трепетно.

И льется песнь прибоя искренно,

И шорох волн, как звуки лепета.

О том, что вы, прекрасно-юные,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.